

Тайна Святой Эльжбеты

Автор:

Иван Погонин

Тайна Святой Эльжбеты

Иван Погонин

Ретро-детективы Ивана Любенко и Ивана Погонина
Сыскная одиссея Осипа Тараканова

В новом сборнике повестей Ивана Погонина «Тайна Святой Эльжбеты» продолжается рассказ о буднях российской полиции и приключениях сыскного надзирателя Осипа Тараканова. В 1912 году Тараканов работает в Москве и Московской губернии, где расследует серию дерзких разбойных нападений. А в 1914-м судьба забрасывает его совсем далеко от родных мест... Начинается война, и Тараканов, собравшийся было уже уйти в отставку, решает продолжить службу и возглавляет сыскное отделение во Львове. И первое же серьезное расследование ставит его в тупик. Под стенами недавно построенного храма Святой Эльжбеты находят обезображенное тело девушки, которую местный пристав считает самоубийцей. Но Тараканов – другого мнения. Расследуя это преступление, он узнает имя убийцы, но сообщить об этом не успевает...

Иван Погонин

Тайна Святой Эльжбеты

© Погонин И., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

«В Москве на днях имело место изумительно дерзкое ограбление.

В начале второго часа ночи компания, состоящая из двух дам, 12-летнего мальчика и мещанина Гуськова, возвращалась из ресторана Крынкина, на Воробьевых горах, в Москву.

Решено было ехать на лихачах через Потылиху.

На пути между кирпичным заводом Фомичева и Потылихой, на Воробьевых горах, шайка грабителей в 5 человек внезапно остановила извозчиков и, пригрозив револьверами, потребовала выдачи ценностей. При этом вооруженные заявили, что они будут стрелять при малейшей попытке сопротивления.

Двое грабителей взяли лошадей под уздцы и держали их. Грабители набросились на Гуськова, который принужден был отдать имевшиеся у него золотые часы с цепочкою, бриллиантовые кольца и кошелек с деньгами. Затем злоумышленники ограбили дам. С рук их были сняты золотые кольца и браслеты. Грабители пригрозили, что если дамы будут сопротивляться и не отдадут им имеющиеся у них в ушах золотые с бриллиантами и жемчугом серьги, то они сорвут их вместе с ушами. Дамы добровольно вынули серьги.

Ограбив всего на сумму более 1000 рублей, злоумышленники предложили своим жертвам продолжать дальнейший путь, не оглядываясь, чтобы не получить пулю в затылок, и ехать умеренною рысцей. Ограбленные поехали в Москву, а грабители со своею добычею поспешно скрылись.

Больше всех пострадал от разбоя мальчик, который до того испугался, что стал заикаться.

По получении об этом сведений в Москве на место разбоя немедленно выехали чины полиции; была устроена облава, но грабителей уже здесь не было и следа».

Газета «Утро России», 16 сентября 1911 года

Москва, 1912 год

1

Начальник Московской сыскной полиции Аркадий Францевич Кошко отложил в сторону нетолстую бумажную папку и внимательно посмотрел на соискателя места.

– Вот-с, запросил в Туле ваше личное дело, – сказал Кошко, хлопнув рукой по папке. – Интересная у вас карьера: такой быстрый взлет и бах – увольнение без прошения! Я читал рапорт полицмейстера, послуживший поводом к вашему увольнению. Легко отделались, скажу я вам, дело тюремным замком должно было кончиться. Я уж было собрался вам отказать, не вызывая на собеседование, а лист перевернул, гляжу – два месяца назад губернатор изменил приказ. Теперь вы считаетесь уволенным по прошению. И это более чем через два года после увольнения! Такой поворот меня заинтересовал, и я решил увидеть вас лично. Рассказывайте все как на духу. Шансов получить место, скажу прямо, у вас и так крайне мало, но если вы сейчас соврете, то их совсем не останется.

– Рассказ долгим будет, ваше высококородие.

– Ничего, я послушаю.

Тараканов стал рассказывать...

– Когда я получил письмо от Слепнева[1 - Речь идет о событиях, описанных в повести И. Погонина «Убийство на Миллионской», сборник «Сыскная одиссея».], то сразу поехал в Тулу, к Неверовым. А там выяснилось, что прокурору никаких писем от Слепнева не приходило. Я уж не знаю, и вправду письмо не дошло, или прокурор предпочел его потерять, но только дело об убийстве Тименевых никем не возобновлялось. И ничего бы у нас не получилось, если бы не связи Неверовых в столице. Друзья батюшки Веры Аркадьевны помогли ему добиться личной аудиенции у Будберга[2 - Барон А.А. Будберг в то время был главноуправляющим канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений.], ну а тот проникся и доложил Государю. Но уголовное дело ворошить не стали, посчитали, что для пересмотра приговора одного только признания Слепнева будет недостаточно. Государь просто Алинского помиловал и восстановил в правах. Ну а губернатор мой приказ об увольнении изменил.

– Интересная история. Письмо при вас?

– Подлинник я старшему Неверову отдал и больше его не видел. Очевидно, подшит в какое-нибудь дело. Но фотокопию, заверенную у нотариуса, сделать догадался. Вот-с.

Кошко внимательно прочел письмо.

– Да. Жалко, конечно, что расследования не возобновляли и что Алинского помиловали, а не реабилитировали. С другой стороны, формальный приказ о вашем увольнении по прошению мы тоже имеем. Хорошо, ну а почему вы в столицу не пожелали вернуться? Не берут?

– Филиппов препятствий в моем возвращении не видел, но в канцелярии градоначальства воспротивились. Мне же только двадцать четыре года. А в столичную полицию берут с двадцати пяти. Первый раз меня туда приняли потому, что я переводом поступал, с места каширского полицейского надзирателя, это законом допускается. А из отставки уже не берут, нельзя. Вот у меня, кстати, рекомендательное письмо Владимира Гавриловича, прошу-с.

– Я смотрю, вы бумажками запаслись. Что же вы их по одной выкладываете, давайте все сразу.

– Пожалуйста. Вот удостоверение от прокурора Тульского окружного суда, вот – от тульского губернатора.

Кошко внимательно прочел все переданные ему Таракановым бумаги.

– Ну хорошо, бумаги у вас в порядке. Теперь скажите мне о причинах, по которым вы просите принять вас на службу. Вы чем сейчас занимаетесь?

– Сейчас я не у дел. Служил у одного нашего купца, но когда получил письмо Слепнева и начал хлопотать, то принужден был взять расчет.

– И что, не можете найти места?

– Могу. Но я хотел бы заниматься сыском.

– Почему же?

– Нравится мне такая служба.

– Нравится? А на какую должность вы у меня рассчитываете? У меня все классные должности заняты. Могу взять только надзирателем, впрочем, сразу на второй разряд.

– Буду премного благодарен!

* * *

На чердаке было жутко холодно. Полицейский надзиратель Семенов в двадцатый, наверное, раз достал из кармана нагольного тулупа серебряные открытые часы и посмотрел на циферблат.

– Еще целый час до смены! Околеем мы здесь, Ося, ей-богу околеем.

Тараканов, ничего не ответив, поднялся с полена, заменявшего ему табурет, сделал несколько шагов по чердаку и вернулся к слуховому окну.

– Фокину хорошо. Он снег гребет, греется, а мы тут в мороженных судаков скоро превратимся, – продолжал ныть Семенов. – И дернул меня нечистый с Петериным дежурствами поменяться...

– Тихо! – Тараканов внимательно смотрел в окно. – Идет, кажись.

Семенов тут же умолк, тоже посмотрел на улицу, после чего оба сыскных надзирателя бросились вниз по лестнице. Тараканов так спешил, что потерял на бегу свою шапку.

Молодой человек в драповом демисезонном пальто вошел во двор, остановился посредине, покосился на ритмично разгребавшего снег дворника, оглянулся на входную арку и, убедившись, что вслед за ним во двор никто не вошел, направился в сторону трехэтажного надворного флигеля. Когда он открыл тяжелую дверь подъезда, то увидел перед собой субтильного господина с непокрытой головой.

– Руки подыми! Сыскная полиция!

Слова эти подкреплялись направленным в сторону молодого человека «наганом» офицерского образца.

Незнакомец послушно поднял руки, отпустив при этом входную дверь. Сработал блок, дверь захлопнулась и ударила Тараканова в лоб. Из глаз полицейского надзирателя посыпались искры. Юноша в демисезонном пальто бросился наутек. Однако побежал не в сторону входной арки, а, вскочив на низкую крышу дровяного сарая, собрался было перемахнуть через забор. Скрыться помешал дворник – запустил в убегавшего поленом и попал ему точнехонько по голове. Молодой человек покачнулся и упал в снег. Семенов, дворник и Тараканов подошли к лежащему. Осип Григорьевич приложил к стремительно увеличивающейся шишке на своем лбу «наган».

– Не убил ты его часом, Герасим Ильич? – спросил он у дворника.

– А бог его знает! – в голосе дворника ощущалась явная тревога.

Он подошел к поверженному противнику, наклонился и перевернул его на спину. Обладатель демисезонного пальто пошевелился и застонал.

– Живой, слава тебе, Господи! – Герасим Ильич перекрестился. – Семенов, беги на улицу, кликни извозчика.

Сразу же после Рождества по Первопрестольной прокатилась волна квартирных разбоев. Молодой человек лет двадцати пяти, одетый, несмотря на сильные морозы, в демисезонное пальто, в присутственные часы звонил в дверь, спрашивал хозяина, а когда прислуга отвечала, что барин на службе, просил передать ему записку. Как правило, в этом случае его впускали в жилище, и тогда он доставал револьвер, запирали обитателей квартиры в ватерклозете и, строго наказав вести себя тихо, чистил квартиру. Сыскная сбилась с ног. А после того как юноша нанес свой визит действительному статскому советнику Тепельбауму и так напугал его беременную жену, что она в тот же вечер преждевременно разрешилась младенцем мужского пола, Кошко вызвал к себе Андрианов[3 - Андрианов Александр Александрович – градоначальник Москвы с 1907 по 1915 г.]. После визита в градоначальство Аркадий Францевич собрал весь штат сыскного и долго на него матерился, грозясь поувольнять всех к чертовой бабушке. Сыскари, и так без дела не сидевшие, принялись искать налетчика с еще большим рвением. Но результатов долго не было. Чухонец (такую кличку получил молодой человек потому, что носил чухонскую зимнюю шапку) брал исключительно деньги, брезгуя как вещами, так и ценными бумагами, поэтому проверки ломбардов, скупщиков краденого и кредитных учреждений были бесполезны. Описанные многочисленными потерпевшими приметы ни к одному из известных сыскной полиции громил не подходили. Московские «Иваны», которых Кошко замотал ежедневными облавами, божились, что Чухонец не блатной, миру не известен, и что они сами его ищут, и как только найдут, так господину начальнику и представят в лучшем виде.

Помог сыщикам случай. Впрочем, полицейский надзиратель старшего оклада Фокин впоследствии утверждал, что это вовсе не случайность, а грамотно поставленная агентурная работа, и в его словах был резон.

Некая девица Михайлова, служившая в модном магазине мадам Терье на Тверской-Ямской, начала завидовать своей подруге-коллеге.

– Жалованье мы с Машкой одинаковое получаем, я не дурней ее, это уж точно, а многие говорят, что и намного краше. – Михайлова посмотрела на лежавшего рядом Фокина, но тот промолчал. – И какая же несправедливость! Мой кавалер меня в чайную зовет да на трамвае катает, а Машкин – то в «Яр» ее отвезет, то в «Стрельну». Да все на тройке или на рысаке! А вещей сколько надарил! А вчера Машка похвалилась, что предмет ейный ей квартиру на Варварке снял, отремонтировал и уже меблирует. И откуда только у него деньги взялись? Ведь раньше Машка на него жаловалась – дескать, принесет на гривенник пряников да норовит на обед остаться и брюхом на рубль вынести. Я его видела, он к нам на службу приходил несколько раз. И правда, на богача совсем не похож. На улице морозы, а он – в пальтишке на кошачьем меху.

Герасим Ильич свое кобелиное дело уже сделал, поэтому бабий треп, сопровождавшийся упреками насчет чайной и трамвая, слушал невнимательно. Но после упоминания плохенького пальто и внезапного богатства Машкиного кавалера насторожился.

– Разбогател, говоришь? Давно ли?

– Да сразу после Рождества. Перед праздниками разговор у него с Машкой был крупный. Она мне рассказывала. Условие, говорит, поставила – или он ей к Новому году ротонду на соболином меху, или – поминай как звали. «Я, говорит, ему пригрозила одним полковником, который звал меня к себе в имение экономкой на сто рублей в месяц на всем готовом». После этого разговора Флега-то ее и переменялся. И ротонду справил, и тряпок понадарил, и на тройках стал катать. Ко мне, кстати, тоже один статский генерал захаживает...

– Эх, Фрося, не соблазняйся ты генералом, обманет он тебя. А ротонду и я тебе справлю.

– Когда, к лету?

– Можно и пораньше. Ты мне скажи, а каков он из себя, Машкин обожатель?

– А тебе зачем?

– Надоть, раз спрашиваю.

– Тебе надоть, а мне не надоть. – Ефросинья обиженно отвернулась к стене.

– Ну ладно, ладно, милка моя, не обижайся. Хошь, я угадаю, как он выглядит?

– Это как же ты угадаешь, коли ты его ни разу не видал?

– А вот так. Роста он повыше меня, на вершок. Белобрысый, бороду бреет, глаза голубые, сам тощий и чухонскую шапку носит?

Ефросинья аж подскочила на кровати.

– Это ж как у тебя получилось?

– Это секрет, Ефросинья. Ты мне лучше скажи, где живет твоя подруга?

Налетчик оказался сыном титулярного советника Флегонтом Савельевым Извековым. Не будучи по природе своей преступником, Извеков уже давно мучился совестью, поэтому каяться в своих грехах начал сразу, и даже, как показалось сыщикам, – с радостью.

– Я любил ее безумно. А она только требовала, требовала и требовала. Я служил на разных местах, но разве могло хватить моих грошей на ее прихоти? Я стал вынашивать планы достать денег преступным путем, и когда она пообещала уйти от меня, я решился. У меня был револьвер, доставшийся в наследство от батюшки. Во «Всей Москве» я выбирал адреса тех лиц, чей чин побольше, ну и наведывался к ним в присутственные часы, когда дома обычно одни женщины. Мое телосложение не позволило бы мне справиться с женщиной, а стрелять я ни в коем случае не хотел. Из газет мне было хорошо известно, что воры чаще всего попадают на сбыте краденого, поэтому я брал только деньги. Брал и тратил, тратил, тратил... Себе ничего не оставлял. Купил только фрак, без него в хороший ресторан могли не пустить, а остальное уходило на Машеньку. А она... Вы знаете, в последнее время я чувствовал себя стариком из сказки про золотую рыбку. Чем больше я приносил, тем больше она требовала. И вот я у разбитого корыта.

* * *

Несмотря на похвалу начальства, светившие наградные (один Тепельбаум за поимку преступника обещал 500 рублей), обычной радости успешно выследившего дичь охотника Тараканов не испытывал. Во-первых, ему стало жалко Извекова, во-вторых, при задержании он проявил себя рохлей, ну а в-третьих, и в-главных, – шишка, проклятая шишка на самом видном месте! И надо же было получить ее именно сегодня!

Настю он увидел в первый же день. Кошко, прочитав прошение о принятии на службу, велел отнести его в канцелярию.

– Попросите барышень, чтобы они вам его перепечатали на ремингтоне. Боюсь, градоначальник не разберет вашего почерка. И как вы только умудрялись писцом служить?

– Испортился почерк без практики, ваше высококородие.

Настя сидела справа от входа и долбила по клавишам огромной пишущей машинки со скоростью пулемета. В канцелярии, кроме нее, никого не было. Обернувшись на звук открывшейся двери, она улыбнулась. Увидев эту улыбку, Тараканов погиб.

– Чем могу служить?

– Здравствуйте, барышня. Меня начальник прислал. Вот. Не могли бы вы напечатать. – Тараканов протянул лист с прошением. – Там, правда, почерк... Но я могу продиктовать...

– Не надо, и не такие почерки разбирала. Зайдите минут через двадцать, будет готово.

Тараканов выбежал на улицу, нашел фруктовую лавку и купил самую большую грушу «дюшес», попросив красиво ее упаковать в корзинку.

– Вот-с, это вам, в благодарность.

– Что это? Груша? Ой, я обожаю груши. Мерси.

– Это вам мерси.

Тараканов держал в руке лист с перепечатанным прошением и не знал, что еще сказать.

– Ну что вы. Если понадобится что-нибудь еще напечатать, заходите, не стесняйтесь.

С тех пор Тараканов стал искать любой предлог, чтобы попасть в канцелярию, и как только его находил, бежал туда со всех ног.

А третьего дня он столкнулся с Настей на выходе из управления.

– Закончили на сегодня?

– Да-с. А вы?

– А меня сегодня в ночь дежурить неожиданно поставили, вот и отпустили с вечерних занятий. Вы далеко проживать изволите?

– Далековато. На Сивцевом Вражке. На трамвае приходится на службу добираться.

– Позвольте вас проводить?

– Отчего ж нет, провожайте. Только уговор – пойдем пешком. У меня что-то голова разболелась, наверное, истопник выюшку рано закрыл. Да и погода нынче чудесная.

– С удовольствием!

Они шли по бульварам и болтали без умолку. У Тараканова было такое чувство, что он знаком с Настей всю жизнь – так легко и хорошо ему с ней было.

– А вы, Анастасия Александровна, синематограф любите?

– Просто обожаю!

– И я. Может быть, сходим вместе как-нибудь? Тут неподалеку хороший электротеатр.

– Давайте.

– Так, может, в воскресенье?

– Давайте в воскресенье.

И надо же было так глупо подставить свою голову! Что делать, Тараканов не знал. Если не пойдет на свидание, Настя обидится. А если пойдет, ей рядом с ним будет неудобно. Или еще хуже – смеяться над ним станет.

Когда до встречи оставалось четверть часа, сыскной надзиратель наконец решился. Свидание было назначено у Арбатских ворот, на площади. Натянув свой «пирожок» посильнее и схватив заранее приготовленную бонбоньерку с конфетами, он выбежал на бульвар и кликнул извозчика.

На извозчика только зря потратился – барышню пришлось ждать минут двадцать.

Настя появилась, когда Тараканов уже окончательно потерял надежду. На машинистке была новая шубка с песцовым воротником и изящная меховая шапочка. Ее личико покраснелось от мороза. «Господи! Красавица-то какая», – подумал Тараканов. Он представил, как будет смотреться рядом с машинисткой в своем потертом ватном пальто, да еще и с шишкой на лбу, и решительно направился к улыбающейся барышне.

– Здравствуйте, Анастасия Александровна! Вот-с, вам, – Тараканов протянул бонбоньерку.

– Здравствуйте, Осип Григорьевич, мерси за конфеты.

– Анастасия Александровна, прошу меня великодушно простить, но сопровождать вас в театр сегодня я не могу...

Улыбка тут же сползла с лица девушки.

– Отчего? – Ее голосок предательски задрожал.

Тараканов рывком снял шапку.

– В таком виде не считаю возможным.

Настя посмотрела на его лоб и ахнула, прикрыв рот рукой.

– Бедненький! Как это случилось?

– Задерживали тут одного, оказал сопротивление...

– Рана не опасна? Вы у доктора были? – тревожным голосом спросила Настя, опять прикрыв рот рукой.

– Ничего опасного нет, так, синяк-с. Но мой внешний вид...

– Вполне боевой внешний вид. Вы куда меня вести собирались?

– В «Художественный», – Тараканов показал рукой на здание кинотеатра. – Вот билеты. Фильмы называются «Удачная экспроприация», «Жоржетта», «Ангел примирения».

– Прекрасно. Сколько до начала сеанса осталось?

– Пятнадцать минут. Я хотел сначала в буфет, но вы изволили задержаться.

– Пятнадцать минут вполне хватит, – Настя решительно взяла Тараканова под руку.

В ближайшем аптекарском магазине они купили бинт и попросили служителя забинтовать Тараканову голову.

– При такой травме это вовсе не обязательно, и даже вредно, – пытался протестовать аптекарь. – При соприкосновении с воздухом гематома спадет быстрее.

Но Настя настояла. После манипуляций с бинтом Тараканов посмотрел в зеркало и своим отражением остался доволен. «А вид-то у меня бравый! Эх, еще бы мундир и шашку...»

– Ну как вам фильма?

– Так себе. Первая вообще не понравилась. Сделали из бандитов каких-то героев. Они казну ограбили, людей поубивали, а их какими-то благородными рыцарями показывают. Вот гимназисты таких фильмов насмотрятся и пойдут магазины обносить!

– Ну не бурчите, не бурчите, как старый дед. Это же фильма, искусство, ну, как спектакль или как книга. По-вашему, что же, и «Робин Гуда» следует запретить?

– Тоже фильма?

– Нет, книга. Французского писателя Дюма. Неужели вы не читали?

– Признаться, нет.

– А хотите? У меня есть.

– С превеликим удовольствием.

– Я вам завтра на службу принесу.

– Вот мой дом, – Настя показала на двухэтажный деревянный домик. – Вон видите, наши окна светятся. Мы с маменькой вдвоем живем. Ну, еще Дуняша, наша прислуга, и жильцы. Маман комнаты сдает. Папа пять лет тому скончался, но пенсион выслужить успел. Да разве проживешь на тридцать шесть рублей в

месяц? А с жильцами и с моим жалованьем вовсе даже и неплохо. Ну, прощайте, – не утвердительно, а скорее вопросительно сказала Настя.

– Прощайте... До завтра?

– До завтра.

Настя несколько долгих секунд смотрела прямо в глаза Осипу Григорьевичу, потом вздохнула, развернулась и забежала в подъезд.

2

«16 января, ночью, по дороге из Москвы в деревню Шелепиху, совершено разбойное нападение на ехавших в экипаже фабриканта Белостоцкого и его жену. Белостоцкий убит, его жена ранена. Похищено 1300 руб. Разбойники скрылись. Арестован кучер».

Из газет

Приказчик внимательно оглядел Тараканова.

– Все великолепно, ваше высокоблагородие, но не хватает одного маленького штриха. Момент! – Молодец скрылся в глубине магазина и вернулся с огромным галстуком-бантом, зеленым, в крупный белый горох.

– Сובлаговолите примерить?

Тараканов нерешительно замялся.

– А не слишком ли пестро?

– Ну что вы! Последний крик парижской моды. Теперь вся Москва так носит!

– Осип Григорьевич! Какая встреча!

Надзиратель оглянулся. Перед ним стоял улыбающийся во весь рот Кунцевич.

– Мечислав Николаевич! – Тараканов бросился к бывшему начальнику и стал трясти его руку. – Как я рад!

– И я весьма рад! Прибарахляетесь? Боже! Кто это вас так нарядил?!

– А что, плохо?

– Ужасно. Эй, любезный! Помоги господину раздеться. Идемте отсюда, Осип Григорьевич, идемте, и как можно быстрее, а не то они превратят вас в савраса. Переодевайтесь скорее, я буду ждать вас в галерее.

Кунцевич и Тараканов вышли на Петровку и пошли к бульвару.

– Лихоимствовать стали, Осип Григорьевич?

Тараканов опешил.

– С чего вы взяли?

– А на какие же шиши вы хотели в Петровском пассаже одеться? Или в Москве у надзирателей сысской полиции такое хорошее жалованье?

Тараканов растерянно глядел на столичного чиновника.

– Видите ли, Мечислав Николаевич, я до сего дня как-то на одежду мало внимания обращал, покупал что подешевле, а тут... В общем, мне надо приодеться. А Петровский пассаж – у всех на слуху. Ну, я и пошел. Кой-какие сбережения у меня есть...

– Пришли, а тамошние ушлые приказчики вмиг разглядели в вас человека, привыкшего одеваться на Апрашке. Ну и постарались эти молодцы всучить вам

втридорога залежалый товар. Вам когда нужно быть в полном параде?

– Послезавтра.

– Позвольте воспользоваться полученной на службе опытностью и угадать предмет вашего визита? Позволяете?

Тараканов вяло кивнул.

– Итак. Молодой человек на Масленной неделе озаботился приобретением костюма. Пальто на вас хоть и не новое, но вполне ничего себе. Один воротник рублей на сорок тянет.

– За три года третий раз надеваю. Неделю назад от маменьки привез.

– Бережливость – черта похвальная, но нельзя превращать ее в скопидомство. Вещи созданы для того, чтобы их носить, а не для того, чтобы их моль в сундуках ела. Судя по тому, что верхняя одежда молодого человека вполне устраивает, собрался он туда, где надобно ее снимать, то есть в место теплое. Театр? Ресторан? Гости? Я почему-то склоняюсь к последнему. Сырная неделя началась, а послезавтра у нас среда. К будущей теще на блины собрались, Осип Григорьевич?

Тараканов почувствовал, как краснеет.

– В точку? В точку! Как я вас раскусил, а? Недаром старик двадцать лет сыску отдал! Впрочем, признаюсь, раскусить вас мне было не сложно. Криминальное поприще не для вас, любому городовому себя выдадите. Краснеть-то до сих пор не разучились.

Тараканов не знал, куда ему деваться.

– Да не смущайтесь вы так, не смущайтесь. Ничего постыдного в этом нет. У вас самый подходящий возраст для таких визитов. А в затруднении вашем я вам постараюсь помочь. Я в Москве проездом, еду в теплые края нашего отечества по одному весьма интересному и секретному делу, и вот, при смене поездов, решил нанести визит своему бывшему начальству. А Аркадий Францевич – франт

известный. Спрошу у него, где можно в Первопрестольной хорошо и недорого обмундироваться, скажу, что желаю гардероб обновить. Вы вечером сегодня на службе будете?

– Да, в шесть должен явиться.

– Прекрасно, я вас найду. Ну а пока идем, рассказывайте, рассказывайте, как вам живется!

Однако Кунцевича Тараканов в этот вечер не увидел. Не успел он явиться на службу, как его вместе с Фокиным отправили в Манеж – старший надзиратель должен был поучить Тараканова искусству ловли карманщиков. В бытность свою полицейским надзирателем питерского сыскного специальность эту Тараканов не освоил, – участковые надзиратели другими делами занимались. А уж в Туле ловить карманных выгрузчиков ему и вовсе было не по чину. В летучем же отряде московской сыскной, куда Тараканова определили, эта наука была одной из важнейших.

Людей в Манеже в эту пору пропасть – простой народ считает его посещение на Маслений неделе чем-то вроде повинности. А пока рабочие и работницы, раззявив рты, смотрели на куплетистов, гармонистов и дрессированных свиней господина Дурова, ловкие руки потрошили карманы зрителей.

Охота удалась. Фокин, приметив в толпе какого-то парнишку с открытым, типично русским лицом, незаметно толкнул Тараканова и велел быть начеку. Паренек ходил среди публики с деланным безразличием, а затем пристроился сзади девицы, – по виду из модисток. Та до того была увлечена представлением, что ничего вокруг не замечала. Паренек внезапно толкнул барышню, извинился и отошел в сторону.

– Ты барышню из виду не теряй, – сказал Фокин, вставляя в рот полицейский свисток и быстро направляясь к карманнику. Он подошел к парню сзади, схватил его за обе руки и бесцеремонно повалил на засыпанный опилками пол Манежа, сразу же начав свистеть.

В публике слышались возмущенные крики, одна дама почему-то завизжала, из дальнего угла, придерживая рукой шашку, бежал дежурный околотовый. Толпа

хлынула к Фокину, едва не оттеснив Тараканова от потерпевшей. Пришлось потолкаться. Барышня с любопытством смотрела в ту сторону, откуда раздавалась трель полицейского свистка, но намерений подойти поближе не проявляла.

– Добрый вечер, мадемуазель, позвольте отрекомендоваться – полицейский надзиратель Тараканов. Будьте любезны, проверьте свою сумочку, все ли цело?

– А что такое?

Барышня открыла ридикюль, купленный, по-видимому, в Охотном Ряду, и завизжала:

– Украла! Все деньги украла!

Пока писали протоколы, пока опрашивали потерпевшую и свидетелей, пока оформляли акт дознания, – прошло часа три, не меньше.

Когда они с Фокиным вышли на Знаменку из 1-го участка Тверской части, был десятый час вечера.

– Давай, Ося, покурим да и пойдем пешком в управление. Пройдемся, воздухом подышим. А там – чайку выпьем, рапорта напишем и по домам. Устал я чегой-то. Я всегда от писанины устаю.

Тараканов сдал рапорт дежурному надзирателю и спросил, можно ли идти домой.

– Нет, начальник вам велел зайти, как освободитесь.

С тревогой перебирая в голове все возможные причины, по которым им мог заинтересоваться Кошко, Тараканов поднялся на второй этаж и постучал в кабинет начальника.

Аркадий Францевич складывал в папку бумаги.

– А, Тараканов, входите, входите. Присаживайтесь. Ну как служба?

– Служу-с. Сегодня вот с Фокиным карманщика изловили. Впрочем, это Фокин, а я так, обучался...

– Похвально, похвально... Швабо мне докладывает, что к службе вы относитесь со всей старательностью. Осип Григорьевич, я хочу поручить вам, как старательному сотруднику, имеющему некоторый опыт, одно важное секретное задание. Поручение это связано с определенным риском. Я вам сейчас разъясню его суть, а вы, подумав, скажете, согласны вы его принять или нет. Если откажетесь, – негативных последствий для вас не будет, даю слово. А если согласитесь, то после исполнения этого задания получите от меня определенные преференции. У вас когда старшинство в чине?

– С первого сентября седьмого года, но я же в отставке был.

– Однако два года из трех выслужили, через год коллежского секретаря можно было бы получить, жаль, должность не позволяет. А мы вот что можем сделать – назначим вас помощником пристава в какой-нибудь участок и прикомандируем к сыскной. И чин получите, и жалованье удвоите. Как вам такая перспектива?

– Перспектива весьма заманчива.

– Тогда слушайте. Вы, наверное, не знаете, что сейчас на московском железнодорожном узле свирепствует эпидемия краж, да такая, какой не помнят со времени его сооружения?

– Не знаю-с. Ведь за железную дорогу жандармская полиция отвечает, стало быть, нам там делать нечего.

– Так-то оно так, да не совсем. Дело в том, что эта эпидемия до того разрослась, что недавно ко мне лично обратился генерал Джунковский и просил взять это дело в свои руки. Представляете: сначала начал пропадать пассажирский багаж, затем багажные места в товарных поездах, потом весь груз отдельных товарных вагонов и, наконец, принялись исчезать бесследно сами груженные вагоны. Понимаете? Вагоны, с осями и колесами!

– Это как?

– А вот это вам и предстоит выяснить. Воруют повсеместно, но так как людей у меня мало, а железная дорога все-таки не наша епархия, я решил в первую очередь приняться за Николаевскую дорогу; к тому же она наименее благополучна по количеству краж. Внутренней агентуры у нас там нет, заводить ее долгая песня. Вот я и подумал: а что, если вам там немного поработать, а? Приглядеться, приняхаться, глядишь, чего-нибудь да разведаете.

– Но я же к железной дороге никакого отношения не имею. Я исключительно как пассажир с ней знаком.

– Так я вас не прошу сразу за паровоз садиться. Можно устроиться на такую должность, замещение которой больших знаний не требует, например – вагоны убирать... Я узнавал, туда всякого берут.

– А дадут ли мне место? Есть ли на дороге вакансии?

– Вакансию можно было бы устроить через железнодорожное начальство, но я не хочу никому открывать наши карты. Мало ли кто в кражах замешан. Поэтому вы самостоятельно пойдете искать места. Но пойдете в понедельник, в первый день поста. Я уверен, что несколько рабочих на службу не явятся, запонедельничают после Масленицы. Их погонят, а вас возьмут. Будете сразу два жалованья получать – на дороге и в сыскной. Потрудиться, правда, придется. Вы небось давненько физически не работали?

– Да я за последнее время тяжелее пера ничего не поднимал.

– Тогда вам будет даже полезно. Все газеты пишут о пользе физических упражнений. Так что в понедельник устраивайтесь на новую службу. Сейчас я распоряжусь, вам оформят соответствующий паспорт. Обо всем, о чем узнаете, будете докладывать лично мне. Будем с вами встречаться в трактире Абросимова, Красносельская, два. Хотя это и рядом с Николаевским вокзалом, железнодорожные рабочие туда не ходят – трактир облюбовали извозчики, со всеми отсюда вытекающими. Так что нашим встречам никто из ваших будущих коллег помешать не должен. В трактире сообщайте буфетчику, он мой агент, удобное для вас время нашего randevu. В какое время скажете, в такое я или кто из чиновников подъедем. В случае экстренной необходимости можете через

буфетчика передать записку. Вопросы?

– Вопросов нет, ваше высокородие. Разрешите идти?

– Идите.

Тараканов направился к двери.

– Да, Осип Григорьевич! Кунцевич мне сказал, что вам надо приодеться. Ступайте на Покровку, дом пятьдесят девять, в магазин Дорофеева. Там продают прекрасное готовое платье по вполне приличным ценам. Шьют у нас, но из заграничной материи и по заграничным лекалам. Скажите, что от меня, вам сделают скидку. Да и рассрочка платежа у них предусмотрена. И в среду на вечерние занятия можете не приходить.

– Спасибо.

3

Тараканов устало привалился к буферу вагона и закрыл глаза.

– Не спать, не спать! – прикрикнул старший проводник. – Поезд через два часа должен быть на вокзале, а вы еще половины не сделали!

Тараканов взял ведро с чистой теплой водой и поднялся в вагон.

– Оська, клозет хорошенько помой, а то из-за тебя опять всю артель оштрафуют!

Старший смены Афоня Петров ловко натирал мелом оконное стекло.

Тараканов открыл дверь клозета, окунул тряпку в ведро и с остервенением стал тереть писсуар. Окончив работу, он положил на его дно маленький кусочек мыла.

Следующего поезда ждали в будке сторожа. Мужики сгрудились у стола и, весело переругиваясь, играли в стукалку. Тараканов в игре участия не принимал, сидел на лавке у входа. Он достал кисет с махоркой, свернул «козью ножку» и закурил. Плохой табак сразу же вызвал приступ кашля. «А ведь следующий поезд через полчаса. Отдохнуть совсем не успею», – подумал надзиратель. Не привыкший к физической работе, он сильно уставал. Да и убирать вагоны получалось плохо. Из-за некачественно вымытой им плевательницы три дня назад смену оштрафовали на трешку. Афоня предупредил – еще один штраф, и с ним распрощаются. Тараканов стал стараться изо всех сил.

«А ведь мы свою сыскную службу каторжной считаем. Сюда бы наших надзирателей! У меня все кости ноют и поясница отваливается, а вагоны убирать – работа не такая уж и тяжелая. Как же люди по 14 часов в день на заводах работают? Или в шахтах? Эх, какой же у меня батюшка все-таки молодец, что в люди меня вывел, царствие ему небесное. Кабы не он, так, может быть, и мыл бы всю жизнь клозеты».

Входная дверь распахнулась, впустив клубы холодного воздуха.

В сторожку вошел мужчина лет тридцати, в новеньком полушубке и лихо надвинутой на затылок мерлушковой шапке.

– Здорово, орлы! Кто хочет поработать?

Мужики обернулись.

– Пойти, что ли? – сказал рябой Андрюха. – Полтинник-то не лишний.

– Сиди ты, тебе стучать, – глядя в свои карты проговорил Афоня. – Пусть Оська идет. Все равно он без дела мается. Да и обществу трешку за штраф должен. Иди, Осип, отработывай!

Тараканов посмотрел на пришедшего.

– А что делать?

– Стрелку снегом замело, надо почистить. Там работы на полчаса, а плачу полтинник. Ты столько за смену зарабатываешь. Ну, пойдешь, что ли, или мне другого кого искать?

Идти не хотелось страшно. Тараканов готов был не только трешницу – десятку отдать, лишь бы его никто не беспокоил. Но отказ от полтинника мог вызвать подозрения. По легенде, крестьянин села Острога Богатищевской волости Каширского уезда Тульской губернии Осип Григорьев Верховлетов пришел в Москву, продав последнюю овцу, и должен был как можно скорее отослать в деревню хоть пять рублей – его придуманная семья голодала. Да и штраф, наложенный на артель из-за его нерадения, должен был висеть над бедным Верховлетовым тяжким грузом. Поэтому Тараканов поднялся:

– Пойду, конечно.

Вернулся он через полчаса и положил перед Афонькой новенький полтинник.

– Вот. Остальное – с получки жалованья.

– Молодец, правильный мужик. А остальные два канареечных можешь и раньше отдать. Булгаков сам работать не любит, если снег продолжит идти, он к тебе может за смену и два, и три раза обратиться.

– И каждый раз полтинник плотит?

– А то. Мы его приучили, меньше чем за полтинник не соглашаемся.

– А он кто, мастер дорожный, что ли?

– Вроде ты, Осип, парень неглупый, а дурак дураком! Это какой же мастер сам стрелки должен чистить? Стрелочник он. Обыкновенный стрелочник.

– Откуда же у него такие деньги?

Афонька пристально глянул на Тараканова.

– А об этом, Ося, больше никого не спрашивай. Знаешь такую присказку про любопытную Варвару, которой нос оторвали? Если тебе нос твой дорог, так не суй его куда не след.

Тараканов опустил глаза. В душе же он ликовал. «Вот и ниточка! Да какая толстенная!»

Четыре часа до конца смены пролетели как одна минута. И устал он уже не так сильно.

Кошко отхлебнул чая.

– Последили мы за вашим стрелочником. Личность весьма интересная. Получает тридцать рублей, а квартиру снимает за двадцать пять. Почитай, каждый свободный вечер со своей сожительницей по ресторанам шляется, на извозчике ее возит, иной раз и тройку берет. Счета в ресторанах по десять-пятнадцать рублей. И общается с интересными людьми. Недавно ходил к некоему Якушкину, Вячеслав Евгеньевичу, помощнику присяжного поверенного. Я в окружном суде справился, Якушкин последний раз там в позапрошлом году появлялся, вел какое-то дело о наследстве в триста рублей. Дело проиграл. Но отсутствие практики не мешает Вячеславу Евгеньевичу нанимать квартиру из трех комнат в Трубниковском переулке и ужинать в гостинице «Метрополь». А ужинал он, после встречи со стрелочником, в компании некоего купца Ильина. У того мануфактурный магазин на Ильинке. Ильин на Ильинке, каламбур. – Кошко остановился.

Тараканов внимательно слушал начальника, но должной реакции на шутку не проявил.

– Кхм. Ну так вот, – продолжил Кошко. – Проверил я их по нашим учетам. Ни Булгаков, ни Якушкин в картотеке Московского сыскного отделения не значатся, а вот Ильин... Лука Фомич в тысяча девятьсот шестом году проходил по делу об ограблении фабриканта Липсикерова – у него нашли ограбленные вещички. Но в суд дело не передавали – Ильин заявил, что купил вещи у неизвестного лица, а ограбление это так и не открыли. Тогда мало чего открывали, мой предшественник предпочитал дела не открывать, а поглубже закапывать. Ну да ладно, бог ему судья.

– Магазин Ильина – прекрасное место для сбыта похищенного. Ткани особых примет не имеют. Ярлыки перешить да накладные переделать – дело плевое. Якушкин – посредник между ним и Булгаковым. Но вот только как они вагоны-то воруют?

– По поводу тканей, тут вы ошибаетесь, – сказал Кошко. – Всякий фабрикант свою ткань узнает. Месяц назад был украден вагон с тканями московской фабрики некоего Айзенштейна. Айзенштейн, по моей просьбе, послал своего старшего приказчика в магазин Ильина. Тот представился оптовым покупателем из Калуги и внимательно осмотрел все бывшие в магазине ткани. Своих не обнаружил. Я вызвал письмами представителей других обворованных фабрик – из Петербурга и Ивано-Вознесенска. Скоро должны явиться, посмотреть. А по поводу вагонов... Их исчезновение мне кажется невероятным. Возьмем того же Айзенштейна. Его вагон должен был из Москвы прибыть во Псков, но до станции назначения не дошел, и на промежуточных станциях его тоже не было. Предположили, что разыскиваемый вагон случайно проскочил дальше, но розыски по всей дороге, равно как и по другим дорогам, не увенчивались успехом. Как в воду канул! А разобрать, ну или, скажем, сжечь вагон где-либо на промежуточной станции, не обратив на себя внимания, невозможно! Ну хорошо, удалось злоумышленникам вагон сжечь. А куда им девать многопудовые колеса, оси и прочие стальные части вагонного остова?

Начальник, ожидая ответа, смотрел на Тараканова. Тот пожал плечами.

– Вот это, милостивый государь, вы и должны выяснить. Мы, конечно, наблюдение за Якушкиным и Ильиным продолжим, но механизм краж можно узнать только на станции, изнутри, так сказать.

– Значит, мне надобно продолжать мыть вагоны?

– Да. И сколько времени вы будете этим заниматься, зависит только от вас. Как только узнаете, как вагоны воруют, я вас от этой обременительной обязанности освобожу.

Начальник вынул из внутреннего кармана пиджака серебряный портпапирос и предложил Тараканову закурить. Тот с удовольствием затянулся дорогим табаком.

– Старайтесь, Осип Григорьевич, старайтесь. Вас не только служба ждет. Интересовалась вами намеренно одна наша сотрудница, спрашивала, скоро ли вы возвратитесь. Я ее обнадежил, сказал, что через недельку-другую.

Тараканов поперхнулся дымом.

Несмотря на роскошный букет живых цветов, преподнесенный маменьке Настеньки, та приняла надзирателя прохладно. На столе были только блины, правда, с несколькими сортами варенья, да самовар. Генриетта Витольдовна его бесцеремонно лорнировала, Тараканов к угощению не притрагивался – конфузился.

– Позвольте поинтересоваться, милостивый государь, в каком чине изволите состоять?

– Губернский секретарь.

– Да, чин невелик. Впрочем, вы молоды, еще выслужите. Когда у вас очередное производство?

– Собственно говоря, моя настоящая должность производства в высший чин не допускает, но начальник обещал...

– Ах, начальник обещал, ну да, тогда конечно... Хотя чин – это не главное. Мой покойный муженек до надворного советника дослужился, а что толку? Только и смог выслужить четыреста тридцать рублей годовой пенсии. Главное не чин, главное – должность. Настя мне говорила, что вы надзиратель?

– Пока да-с. Но начальник...

– Это я слышала. А сколько изволите жалованья получать?

– Маман! – Настя укоризненно поглядела на мать.

– А что маман? Маман о дочери прежде всего заботится. Маман не одним сегодняшним днем живет. Маман в будущее смотрит. И хочет, чтобы дитя ее

единственное не нуждалось. Вот помру я, и отцовской пенсии не будет, что тогда? Так сколько жалованья?

– Шестьдесят рублей в месяц. Плюс разъездные, плюс наградные.

– Да, не разгуляешься...

– Так я кроме жалованья и иной доход имею.

– Это какой же? С обывателей?

– Маман!

– Нет-с, зачем же. Обывателей я не обижаю. У нас начальство за этим строго следит, да и сам я не таков. У меня мясная торговля в Туле.

– Интересно! А разве вам не запрещается?

– Запрещается, поэтому торговля на матушку оформлена. Я так считаю – уж лучше торговать честно, чем лихоимствовать. А цареве жалованье действительно невелико. Вот и приходится правила нарушать. А с торговлишки сотня-другая в месяц к рукам прилипает.

Дела в Туле и правда шли неплохо. Тетка дело знала, капитал любимого племянника приумножала и регулярно отправляла ему долю в прибыли. Да и духовную на него уже составила.

– Что же вы молчали, молодой человек? И Насте не говорили! То-то я смотрю: должность невелика, а одет так, как только состоятельный человек себе может позволить. Да и с большим вкусом. Я уж грешным делом подумала – напрокат вещи взяли, – будущая (как надеялся Тараканов) теща засмеялась. – Вы кладите себе варенье, кладите, не стесняйтесь. Настя, что же ты про мадеру забыла, что ли? А ну, неси! Или молодой человек чего покрепче предпочитает? Можно кухарку послать.

– Благодарю, довольно и мадеры.

Оставшаяся часть вечера прошла намного веселее. Кухарке все-таки пришлось сбегать еще за одной бутылкой. Генриетта Витольдовна продолжала расспрашивать Осипа Григорьевича, но вопросы задавала уже не в лоб. Узнав, что мать у Тараканова – домовладелица, потенциальная теща, успевшая к этому времени изрядно опьянеть, даже всплакнула.

– Вы меня должны понять правильно. Я же доченьке своей только добра желаю. Сейчас молодежь какова – выскочат за первого встречного, а потом всю жизнь мучаются.

– Маман! Ну зачем вы? Мы с Осипом Григорьевичем только друзья.

– Да я разве против? Дружите на здоровье. Я чувствую, что Осип Григорьевич прекрасный человек!

Когда он уходил, теща, жестом остановив Настю, вышла вместе с ним в прихожую. Дождавшись, пока кухарка поможет надеть Тараканову пальто и удалится, она взяла надзирателя за пуговицу и заплетающимся языком сказала:

– Вы знаете, хоть это сейчас и не в моде, но тем не менее я имею классовые предубеждения. Я всегда считала, что крестьянин дворянке – тем более титулованной – не пара. Но познакомившись с вами, я поняла, что ошибалась. Глубоко ошибалась. Вы к нам заходите, молодой человек, заходите как можно чаще. Мы вам всегда рады!

На улице Тараканов над словами Генриетты Витольдовны задумался. Он подошел к запиравшему на ночь ворота дворнику, сунул ему в руку двугривенный и спросил:

– Скажи-ка, братец, а кто в седьмом нумере живет?

– Во как! Сами ходят, а сами не знают? – несмотря на двугривенный, дворник был неприветлив. – Дык баронесса с дочкой. Баронесса фон Клопп.

Только теперь Тараканов сообразил, что не удосужился узнать Настенькиной фамилии.

* * *

Сегодняшняя смена начиналась в десять часов вечера и должна была закончиться в 10 утра. Ночью поездов было меньше, чистильщики умудрялись даже поспать. Ни ветра, ни снега не было, но несмотря на начавшийся март, стоял двадцатиградусный мороз. Очистив очередной поезд, Тараканов пошел искать Булгакова.

Долго искать его не пришлось. Стрелочник, страшно ругаясь, шел ему навстречу. Его новенький полушубок был сильно замаран белой краской.

– Здравствуйте, господин стрелочник!

– Тебе чего?

– Не надоть ли чем пособить?

– Не надо. Я сейчас иду вашему сторожу морду бить, он, гад, мне гнилую лестницу подсунул. Я с нее упал и весь краской обрызгался. Вот видишь? Как думаешь, можно краску вывести?

– Керосином можно попробовать.

– Почистишь? Впрочем, не надо, я его прачке отнесу, у нее средства всякие есть. А ты вот что сделай: слетай в вагонное депо, попроси у рабочих белой краски. На вот тебе два двугривенных, на один возьми краски, а другой себе оставишь. Краску принесешь на одиннадцатый путь. Я в самом его конце буду. Сейчас сторожу вашему морду набью и вернусь. Поживей только сбегай.

– Одна нога здесь, другая там!

Пока Тараканов бежал, он понял, куда исчезают вагоны. Купив краски, он отнес ее Булгакову, поблагодарил за заработанные 20 копеек, дождался, пока стрелочник отойдет подальше, и, неслышно ступая валенками, поспешил за ним.

Окончив смену, Тараканов, еле сдерживаясь, чтобы не побежать, дошел до Садового кольца, нанял извозчика и велел гнать на Гнездниковский. Кошко принимал посетителей. Осип Григорьевич попросил дежурного надзирателя доложить, сказав, что дело весьма срочное. Тот зашел в кабинет и тут же вернулся:

– Как посетитель выйдет, так заходите.

Тараканов, едва дождавшись, пока из кабинета не выйдет какой-то старичок в мундире Министерства государственных имуществ, забежал в кабинет.

– Они номера вагонов переделывают, ваше высокородие!

* * *

Всякий завод, всякая фабрика, желая отправить свои товары вагонами по России, посылала на товарную станцию своего представителя. Он шел в товарную контору и заявлял, что ему требуется вагон для отправки груза туда-то. Конторщик вызывал дежурных весовщика и грузчиков, и компания отправлялась на пути к пустым товарным вагонам. Сюда подвозился и назначенный к отправке товар. По распоряжению весовщика вагон ставился на весы. Отмечался его вес, после чего начиналась его загрузка. Вес нагруженного вагона, за вычетом тары, составлял чистый вес отправляемого товара. Весовщик собственной рукой проставлял на накладной этот вес и номер нагруженного вагона, расписывался и ставил соответствующий штамп. Вагон запломбировывался, и владелец груза с накладной вновь возвращался в товарную контору, уплачивал по тарифу деньги, либо направлял груз наложенным платежом. Накладная направлялась на станцию назначения, а ее дубликат отправитель груза посылал по почте его получателю.

Таков был обычный порядок отправления грузов.

– Когда вагон нагружен, запломбирован и поставлен на запасный путь для отправки, Булгаков ночью пробирается к нему и перекрашивает последнюю цифру номера. Единицу – на четверку, ноль на шестерку, девятку – на восьмерку, ну и так далее. Вот-с, я записал старый и новый номера вагонов.

– Так-так-так. – Кошко поднялся из-за стола и, заложив руки за спину, стал ходить по кабинету. – Новый номер вагона вписывается в другую накладную, и он с вполне исправными документами отправляется, скажем в Рязань. Там кто-то из членов шайки предъявляет дубликат накладной, получает груз, реализует товар, возвращается в Москву и делится с шайкой вырученными деньгами. Законный же держатель накладной, скажем во Пскове, прождав все сроки, поднимает тревогу. Начинается проверка, в ходе которой устанавливается, что вагон под номером, в этой накладной указанным, не проходил ни через одну из промежуточных станций! Так вагон бесследно и исчезает. Bravo, Осип Григорьевич!

Тараканов зарделся.

– Ваше высокородие, а ведь на вагон с переделанным номером нужна настоящая накладная.

– Точно! Значит, у них есть сообщники среди весовщиков и грузчиков. Злоумышленник фрахтует вагон, его загоняют куда подальше, нагружают воздухом, и весовщик на накладной ставит переделанный номер похищаемого вагона, его вес и свой штампель. Потом липовый грузоотправитель идет в товарную контору, оформляет отправление, получает на руки дубликат накладной и отправляет его сообщнику в тот город, куда должен прибыть груз. Что же получается? А получается, что в ближайшее время в товарную контору придет некто и предъявит накладную с интересным для нас номером. Сдается мне, что груз Якушкин отправлять будет. Он же его и получит. Вчера посыльный принес ему билет на скорый поезд до Рязани. Через три дня присяжный поверенный туда отправляется. Значит, накладную на станцию принесет не сегодня, так завтра. Надобно поспешать. Вам в товарной конторе светиться нельзя, я пошлю туда кого-нибудь другого. Какой же вы молодец, Осип Григорьевич! Кстати, вчера приказчик питерской фабрики, у которой тоже украли вагон с товаром, был в магазине Ильина. И обнаружил там свою мануфактуру. А эта фабрика Ильину ничего никогда не поставляла!

– Будете арестовывать?

– Сейчас нет. Во-первых, этим арестом мы спугнем других членов шайки, а во-вторых, Ильин опять отопрется – скажет, что купил у неизвестного лица по случаю. Вот накроем грузоотправителя, тогда всех скопом и повяжем.

– А мне что делать?

– Вам? – Кошко немного подумал. – Возвращайтесь, пожалуй, на станцию. Еще пару деньков придется потерпеть. Ваше внезапное увольнение может вызвать ненужные подозрения.

Несмотря на то что Настеньку увидеть хотелось смертельно, в канцелярию он не пошел, побоялся испугать барышню своим внешним видом. Он вышел из сыскной и устало побрел в свою угловую квартиру[4 - Угловая квартира – квартира, объектом найма в которой были не комнаты, а части комнат – «углы».] на Вологодскую.

Чистить вагоны пришлось еще почти целую неделю. Якушкина решили арестовать не при сдаче накладной в товарную контору, а при получении груза. А краденый вагон шел в Рязань четыре дня. Чиновник для поручений Михайлов, арестовав в Рязани Якушкина, сразу же отбил телеграмму, и машина правосудия завертелась и в Москве. Одновременно были арестованы стрелочник Булгаков, весовщик, артель грузчиков из четырех человек и купец Ильин. Обыски в квартирах всех арестованных дали блестящие результаты: было найдено свыше сорока тысяч наличными и процентными бумагами, большое количество мануфактурного и другого похищенного товара.

Первыми раскололись грузчики, потом сдался весовщик, потом Якушкин. Не признавались только стрелочник и Ильин. И если вину купца подтверждала отобранная у него в ходе обыска мануфактура, то Булгакову предъявить действительно было нечего – никто из арестованных его фамилию не называл. Пришлось устраивать очную ставку между стрелочником и Таракановым.

Когда сыскной надзиратель рассказал судебному следователю, как бегал за краской и как наблюдал за изменением номера вагона, Булгаков взглянул на него исподлобья и сказал:

– Сочтемся, легавый, скоро сочтемся.

На вопросы следователя он отвечать отказался.

«Выдающееся по своему зверству преступление обнаружено вчера в Петровском парке. В 8 часов утра крестьянин Лаптев, служащий на дачах парка дворником, принес дрова вдове действительного статского советника Виссарионова, которая проживала на зимней даче с двумя приживалками и служанкой. Позвонив в дверь черного хода, дворник долго дожидался ответа, а потом подергал дверь. Она оказалась не запертой. Дворник вошел в помещение дачи, но через минуту выбежал оттуда с ужасным криком.

Явившимся чинам полиции предстала кошмарная картина. Женщины не только были убиты, но подверглись еще перед смертью утонченной пытке. Вид их трупов леденил кровь: поломанные кости, вырезанные груди, обугленные пятки говорили о перенесенных ими чудовищных истязаниях.

Все в доме было перевернуто вверх дном. Все, что можно было унести, – унесено. Дача была ограблена дочиستا. Тут же, при доме на дворе, валялись трупы двух отравленных собак.

На место прибыли чины судебного ведомства, прокурор окружного суда, начальник сыскной полиции. Применялась служебная собака. Розыск преступников пока результатов не дал».

Газета «Голос Москвы», 13 апреля 1912 года

Апрель вступил в свои права. Снег сошел полностью, светило солнышко, воздух был чист и свеж по-весеннему. Обыватели уже приступили к поиску дач.

Прикомандированный к сыскному отделению помощник пристава 1-го участка Суцевской части губернский секретарь Тараканов торопился на службу. Он проспал и потому опаздывал. Да и как было не проспать, если уснули только под утро!

Вчера было воскресенье, и они условились сходить в синематограф. Осип заехал за Настей на извозчике.

– Какую фильму смотреть будем, Анастасия Александровна? – Тараканов передал девушке газету «Электротheater», в которой печатались афиши всех крупнейших кинотеатров.

Настя газету взяла, но смотреть в нее не стала.

– Осип Григорьевич, мы с вами уже три месяца встречаемся, а в гости вы меня так ни разу и не позвали. А сами у меня были. Я хочу отдать вам визит.

Тараканов почувствовал дрожь в теле и приятный холод внизу живота.

– С удовольствием. Извозчик, давай на Тверскую, в «Елисеевский», а потом на Большую Дмитровку, десять, меблированные комнаты «Тулон».

– «Тулон»? – Настя заулыбалась. – Какое название подходящее.

– Не понял-с?

– Ничего, ничего. Это я так, к слову.

Когда он утром одевался, она, подперев голову рукой, лежала на постели и внимательно на него смотрела.

– А ты что не одеваешься?

– Я попозже подойду.

Подвязав перед зеркалом галстук, Тараканов сел на кровать и взял Настю за руки.

– Будьте моей женой, Анастасия Александровна!

Настя облегченно заплакала, потом притянула его к себе и стала целовать. Галстук полетел на пол.

Как Тараканов ни спешил, а все-таки опоздал. Когда Осип Григорьевич появился на Гнездниковском, Кошко уже начал совещание. Начальник больше всего не любил опоздавших, поэтому Тараканов на совещание не пошел вовсе, понадеявшись, что Кошко про него не вспомнит. Но надежды не сбылись. Швабо, с которым они делили кабинет, сообщил с порога:

– Осип Григорьевич! Вас начальник обыскался. Велел, как только объявитесь, срочно к нему прибыть.

Пришлось идти с повинной.

– Службой начали манкировать? Не рановато ли?

– Виноват-с, ваше высокородие!

– Почему опоздали?

– Проспал...

– То, что врать не стали, за это похвалю. Не люблю, когда мне врут. Господин губернский секретарь, объявляю вам замечание. Если подобное повторится, наказание будет строже. Вам понятно?

– Да-с.

– Тогда садитесь и слушайте. У меня для вас будет поручение.

Тараканов сел, а Кошко, наоборот, встал и подошел к окну.

– Вы себе дачку не подыскиали на лето?

– Нет, и не начинал еще.

– Напрасно, напрасно, время упустите, все хорошее расхватают. А я вот хотел в Петровском парке летом поселиться, договорился уже и задаток дал, но после вчерашнего...

Несмотря на то что Московская губерния в юрисдикцию сыскного отделения не входила, за криминальной обстановкой там Кошко следил пристально – была у злодеев такая тенденция: набедокулив в губернии, продолжать свои нехорошие дела в столице. Да и большинство похищенного из подмосковных домов и экономий сбывалось в городе.

Между Кошко и Джунковским существовала договоренность, в силу которой ежеутренне начальник сыскной полиции получал сводку происшествий, случившихся в губернии за предыдущий день.

Начавшаяся летом серия разбойных нападений заинтересовала Кошко давно. То, что это дело рук одной банды, было видно из описаний преступников, которые давали потерпевшие. Вожаком банды был мужчина лет 25, высокого роста, чернявый, красивый лицом. Одевался вожак по-мещански, но с шиком. Требования отдать ценности предъявлял вежливо, но в случае малейшего неповиновения был беспощаден. Приметными были личности и других бандитов. Двое из них были близнецами, еще один – носил студенческий мундир. Только пятый участник банды особых примет не имел – мужичонка крестьянского вида с незапоминающимся лицом. Первые налеты обходились без жертв, но 16 января магистр фармации Белостоцкий оказал сопротивление и пытался использовать имевшийся при нем револьвер. Белостоцкий был убит, его жена – тяжело ранена. После этого банда лишилась тормозов. За январь – март 1912 года было совершено 11 разбойных нападений, при которых было убито 6 человек. А вчера...

– Казалось бы, за двадцать лет службы я ко всему привык, ан нет. И у меня вчера кровь в жилах стыла от увиденного... А накануне дворник видел у дачи Виссарионовой высокого брюнета и студента. После убийства Белостоцкого я стал заниматься бандой серьезно. Михееву было поручено проверить толкучки и рынки, меняльные лавки, ломбарды, банки и банкирские конторы. И вы знаете, удивительная вещь – никаких результатов. Ничего из похищенного в Москве не всплыло! А между тем люди у Михеева службу несут, как полагается, да и все остальные сыскные надзиратели ориентировки на самые приметные из

ограбленных бандой вещей получили. Ну вот, например, – мужское золотое кольцо с одиннадцатью крупными бриллиантами и одним изумрудом и вы, наверное, ищите?

– Да, есть у меня циркулярчик про это кольцо. Кольцо белого золота, по всему диаметру которого на равном друг от друга расстоянии в особых гнездах, обрамленных золотыми же лепестками, находятся двенадцать драгоценных камней, из коих одиннадцать бриллианты, а один, больший, изумруд, то есть камень зеленого цвета.

Кошко смотрел на Тараканова с удивлением:

– Вы что же, разыскные циркуляры наизусть учите?

– Нет-с. Они как-то у меня сами запоминаются.

– Как интересно. Вам повезло, в нашем деле эта особенность памяти незаменима. Ну так вот. Ни этого кольца, ни других драгоценностей в Москве не появилось. Да и «по низам» никаких сведений добыть не удалось. Банда столько грандов наколотила, а Москва бандитская как воды в рот набрала и молчит, сугубо молчит. Скорее всего, здесь орудует шайка не профессионалов, а, наоборот, людей, никогда не проходивших через руки сыскной полиции и вообще стоящих вдалеке от преступного мира.

Кошко сел на место и посмотрел на Тараканова.

– Михеев сыщик хороший, и люди у него как на подбор. Но... Результатов-то нет. И решил я впрыснуть в розыск новую кровь, свежую. В общем, Осип Григорьевич, вот вам дознание, знакомьтесь, соображайте и начинайте искать. От других дел я вас освобождаю, занимайтесь только этим. С Михеевым по этому делу будете работать параллельно. Докладывать о ходе розысков будете лично мне. И начните, пожалуйста, с мадам Белостоцкой. Она три месяца находилась между жизнью и смертью, только неделю назад к ней вернулось сознание. Врач назначил нам аудиенцию с ней на завтра. С утра и поезжайте.

* * *

До обеда Тараканов читал протоколы, а в три часа пошел в канцелярию. Насти на службе не было.

– А где Анастасия Александровна? Мне надобно ей один документик дать перепечатать.

Старшая машинистка недовольно пробурчала:

– Не явилась сегодня на службу, записку прислала, инфлюэнция у нее.

– А давайте я перепечатаю, – сказала новенькая машинистка Олечка и улыбнулась Тараканову.

– Благодарю-с. Я сейчас. – Тараканов поспешно удалился.

Он взял извозчика и помчался на Сивцев Вражек. Дверь открыла сама Генриетта Витольдовна.

– Осип Григорьевич! А я думала – Настенька вернулась. Вы какими судьбами?

– А что, разве Анастасии Александровны нет дома?

– Нет. Она же с вами вчера уехала. Вечером прислала мне с посыльным записку и сообщила, что в вашем учреждении предстоит внезапная ревизия и всех машинисток попросили выйти в ночь, помочь привести делопроизводство в порядок. Осип Григорьевич, вы куда мою Настю дели?

– Да-да, всю ночь вся наша сыскная к ревизии готовилась. Недавно машинисток отпустили отдохнуть, а как только они ушли, новый приказ – вернуть всех обратно, опять какая-то необходимость в них возникла. Вот я за Настей и приехал. Наверное, я ее обогнал.

– Так проходите, подождете ее.

– Я лучше навстречу ей поеду, начальник немедленно всех на службу требует, рассаживаться некогда. Честь имею.

Тараканов бегом помчался вниз по лестнице, вскочил в пролетку и велел лететь на Дмитровку.

Своего номера он не узнал. Лежавшие обычно в беспорядке вещи были сложены в шкаф, кровать – аккуратно заправлена, пыль со всей мебели сметена. Портьеры, закрывавшей альков с кроватью, на месте не было, как и не было оконных занавесок. Баронесса фон Клопп стояла на подоконнике и мыла тряпкой оконное стекло. Рядом, держа в руке ведро с водой и открыв рот, стояла горничная.

– Ося! Обедать? А я прибраться решила. Занавеску и драпри велела постирать, пыль протерла, заставила горничную окно помыть, а когда посмотрела, как она это делает, решила сама.

– Мелом хорошо, – промямлил Тараканов. – Ты же больна.

– В каком смысле? В том, что окно сама мою? Так через него свет в комнату почти не поступал, до того грязью заросло.

– На службе мне сказали, что у тебя инфлюэнция. Я к тебе домой, а тебя там нет.

– Ося! Милочка, сходите, поменяйте, пожалуйста, воду, – сказала Настя горничной и, дождавшись, когда та ушла, накинулась на Тараканова: – Что ты маменьке сказал?

– Сказал, что тебя после ночного аврала отпустили, а потом опять вытребовали, и что я за тобой на извозчике...

– Ну, врать ты умеешь. Ты вообще зачем к ней явился?

– Мне сказали, что ты больна, я заволновался.

– Осип Григорьевич, ну как вас могли на царскую службу взять такого бестолкового? Ты что, не мог догадаться? Я сегодня ночью чести девичьей лишилась. Могла ли я после этого на службу? А домой? Трудно было, что ли, сообразить? В конце концов, ты же меня здесь оставил, мог бы догадаться первым делом сюда съездить!

– Значит, ты не больна?

– Господи боже мой!

– Тогда давай обедать?

– Давай. А где?

– Тут рядышком кухмистерская замечательная, меня там знают и хорошо кормят, – сказал Тараканов.

На следующий день он поехал на Девичье поле, в хирургическое отделение факультетской клиники Московского императорского университета.

Лицо Анны Максимовны Белостоцкой было одинакового цвета с белоснежной наволочкой подушки. Доктор сказала, что выжила она чудом и до полного выздоровления еще далеко.

– Я вам дам десять минут, не более, и прошу вас, не волнуйте ее сильно.

Когда Тараканов вошел в палату, Белостоцкая лежала с закрытыми глазами, но как только услышала звук открывающейся двери, глаза открыла.

– Здравствуйте, мадам Белостоцкая. Разрешите представиться – чиновник сысской полиции Тараканов.

– Ну слава богу, наконец-то явились.

– Явились сразу же, как только врач разрешил с вами разговаривать. Госпожа Белостоцкая, я понимаю, что вспоминать произошедшее вам крайне неприятно, но интересы дела...

– Интересы дела требовали вашего появления у меня еще неделю назад! Вспоминать мне действительно тяжело, но я желаю, чтобы и я, и мой супруг были отомщены. Поэтому я все вам расскажу.

15 января чета Белостоцких поехала в ресторан. Засиделись. Анна Максимовна просила мужа остаться ночевать в городской квартире, но он решил ехать на дачу, там у него остались какие-то важные документы, которые на следующий день ему были нужны с самого утра. Дача у них в Шелепихе. Да и не дача это, а полноценный дом, теплый, удобный, снабженный всеми благами современной цивилизации. Муж его предпочитал городской квартире, из-за чего они часто ссорились. Госпожа Белостоцкая была моложе мужа на 20 лет, и ее не устраивало круглогодичное дачное прозябание. Поссорились и в этот раз. Поэтому ехали молча, погруженные каждый в свои мысли.

Из Москвы выехали во втором часу ночи. Проехали Дорогомиловскую заставу, начались пустыри, кругом никого. Вдруг сбоку из какой-то канавы выскакивают пять человек. Двое из них схватили лошадь под уздцы, а один, по-видимому главарь, крикнул им: «Вылазьте!» Муж у Анны Максимовны был не робкого десятка, поэтому команде не подчинился, а вытащил из кармана шубы револьвер и пальнул в ближайшего разбойника. Тот завыл от боли и схватился за кисть правой руки. После этого главарь выстрелил в мужа, а затем и в нее. Она упала с саней. Последнее, что она слышала, – это вопрос главаря: «Как ты, Пиво, живой?»

– Как вы сказали: Пиво?

– Да, Пиво. Потом я потеряла сознание и очнулась уже в больнице. Скажите, а что с Архипом? А то здесь никто не знает.

– С кем? А, с кучером вашим! Жив-здоров. Его поначалу арестовали, потому как на нем ни одной царапинки не было, но с месяц уже как отпустили. Вы его рассказ сейчас подтвердили, вот только про то, что ваш муж в одного из разбойников попал, он ни слова не сказал.

– Очевидно, он не видел. Когда бандиты нас остановили, он с облучка соскочил и в поле бросился без оглядки.

– Вот оно как. Опишите, пожалуйста, нападавших.

– Тот, который мужа убил, – лет двадцати пяти, высокий, одет в пальто с бобровым воротником и шапку-пирожок. Симпатичный, усики такие завитые. Я его лицо из тысячи узнаю. А остальных я не запомнила, все очень быстро

произошло.

– И Архип ваш тоже одного его и запомнил. Благодарю вас, мадам, вы нам очень помогли.

Тараканов помчался к Кошко. Первым делом начальник распорядился отправить запросы в регистрационное бюро Департамента полиции, Петербургскую сыскную полицию и все провинциальные сыскные отделения с просьбой сообщить, не зарегистрирован ли у них преступник под кличкой Пиво. Потом Кошко дал команду поместить в газетах обращение к врачам, которым предписывал уведомить столичное сыскное отделение о том, не обращался ли к ним в течение последних трех месяцев за медицинской помощью кто-либо с пораненной кистью правой руки.

В течение недели получили ответы практически из всех сыскных отделений и из всех запрошенных казенных и земских лечебных учреждений. Ни в одной полицейской картотеке человека по прозвищу Пиво не значилось, ни один человек с огнестрельным ранением кисти правой руки в последние три месяца ни в одно медицинское учреждение не обращался. Но к этому времени Тараканов нашел другую ниточку.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Речь идет о событиях, описанных в повести И. Погонина «Убийство на Миллионской», сборник «Сыскная одиссея».

2

Барон А.А. Будберг в то время был главноуправляющим канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений.

3

Андрианов Александр Александрович – градоначальник Москвы с 1907 по 1915 г.

4

Угловая квартира – квартира, объектом найма в которой были не комнаты, а части комнат – «углы».

Купить: https://tellnovel.com/pogonin_ivan/tayna-svyatoy-el-zhbety

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)